

Особенности формирования нарратива в составе «локальных историй» Ирана на примере сочинения Насир ад-Дина Мунши Кермани

Дмитрий М. Тимохин

*Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
horezm83@mail.ru*

Аннотация. Традиция локального историописания в Иране существовала как в домонгольский период, так и в более позднюю эпоху: так, на примере региона Керман можно увидеть определенную преемственность в описании истории родного края у таких авторов разных эпох, как Афзал ад-Дин Кермани, Насир ад-Дин Мунши Кермани и Мухаммад ибн Ибрахим, посвятивших свои сочинения описанию исторических событий, происходивших в этих землях. Среди указанных историков особое место занимает именно Насир ад-Дин Мунши Кермани, чей труд «Симт ал-‘Ула лил-Хадра ал-‘Улийа» был составлен между 1318 и 1320 гг. За исключением обстоятельной реконструкции биографии Насир ад-Дина Мунши Кермани и анализа его сочинения, которое осуществил Аббас Экбаль, в современной историографии нет примеров специальных исследований данного исторического источника и содержащейся в нем информации. В нашей статье мы хотели бы обратить внимание на особенности составления текста этого сочинения, авторские приемы, цитирование других исторических сочинений, а также на пословицы и поговорки, поясняющие читателю суть тех или иных исторических событий.

Ключевые слова: Иран, локальные истории, мусульманская историография, Насир ад-Дин Мунши Кермани, Симт ал-‘Ула

Для цитирования: Тимохин Д.М. Особенности формирования нарратива в составе «локальных историй» Ирана на примере сочинения Насир ад-Дина Мунши Кермани // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2026. № 3. С. 74–93. DOI: 10.28995/2686-7249-2026-3-74-93

The peculiarities of narrative formation in the “local stories” of Iran illustrated by the work of Nasir Ad-Din Munshi Kermani

Dmitrii M. Timokhin

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, horezm83@mail.ru*

Abstract. The tradition of local historiography in Iran existed both in the pre-Mongol period and in subsequent eras. The history of the Kerman region, in particular, demonstrates a clear continuity in the representation of the native land by authors from different periods, including Afzal al-Din Kermani, Nasir al-Din Munshi Kermani, and Muhammad ibn Ibrahim, all of whom devoted their works to describing historical events that took place in these territories. Among these historians, Nasir al-Din Munshi Kermani occupies a particularly important place. His work, *Simt al-‘Ula li-l-Khadra al-‘Uliya*, was compiled between 1318 and 1320. Apart from the detailed reconstruction of his biography and the analysis of his work undertaken by Abbas Eqbal, this historical source and the information it contains have received little dedicated scholarly attention in modern historiography. This article aims to examine the distinctive features of the text’s composition, the author’s narrative techniques – including his use of quotations from earlier historical works – as well as the proverbs and sayings employed to clarify the meaning and significance of particular historical events.

Keywords: Iran, local histories, Muslim historiography, Nasir ad-Din Munshi Kermani, *Simt al-‘Ula*

For citation: Timokhin, D.M. (2026), “The peculiarities of narrative formation in the ‘local stories’ of Iran illustrated by the work of Nasir Ad-Din Munshi Kermani”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 3, pp. 74–93, DOI: 10.28995/2686-7249-2026-3-74-93

Понятие «локальная история» применительно к средневековой историографии Ирана отнюдь не сводится исключительно к рассказу об истории города или региона и при этом продолжает оставаться предметом дискуссии в исследовательской среде в виду того, что под этим общим названием скрываются сочинения, зачастую весьма разные по структуре, содержанию и даже авторскому замыслу [Bosworth 2010, p. 82; Lambton 1991, pp. 227–238; Melville 2000, pp. 7–14; Pourshariati 2000, pp. 133–164]¹. В связи с этим, как

¹ См. также: *Humphreys R.S. Ta'rikh. II. Historical Writing the Arab World, (b) The Central and Eastern Lands 1500 // Encyclopaedia of Islam. 2nd ed. 2000. Vol. 10. P. 276–280 (277b).*

отмечают Ч. Мелвилль и П. Пуршариати, «до сих пор не было достигнуто консенсуса в отношении всеобъемлющего определения персидских локальных историй» [Pourshariati 2000, p. 135] как отдельного направления в рамках мусульманской историографии. Впрочем, современные ученые, по крайней мере, выстроили сравнительно четкое понимание причин, приведших к формированию в литературе Ирана таких «локальных историй», и сам по себе их генезис был обозначен уже Э. Дэниэлем в «Истории персидской литературы». «Ранняя персидская историография также включала значительное количество историй, посвященных конкретным регионам или городам. В этом можно обнаружить закономерность неуклонного снижения широты исторического видения и, таким образом, задаться вопросом, следует ли это отнести к феномену написания на родном языке, персидском, с неизбежно более ограниченной аудиторией, чем произведения на языке эпохи, арабском. Язык, однако, не может быть ограничивающим фактором, поскольку в арабской историографии присутствуют те же жанры и направления, и действительно, многие работы о городах и провинциях Ирана были написаны на арабском, а не на персидском языках. Историографы скорее следят за историческими событиями, отражающими все более фрагментированную политическую систему, преобладающую в исламском мире» [Mellville 2012, pp. 139–140].

Со своей стороны отметим, что появление и популярность «локальных историй» связаны не столько с «персидским ренессансом» в мусульманской литературе в эпоху раннего Средневековья, поскольку многие труды по истории регионов Ирана написаны на арабском языке, что отметил уже Э. Дэниэль, сколько с политическими изменениями, происходившими внутри самого Ирана в домонгольский период [Mellville 2012, pp. 139–140]. Прежде всего это касается региональных династий, которые, получая все большую и большую самостоятельность, поощряют местных историков в их занятии и стимулируют таким образом появление «локальных историй». Это, в свою очередь, приводит к изменению фокуса внимания автора в рамках такого рода произведений: его мало заботят события, не имеющие прямого отношения к истории его родного края, правившим в нем династиям и тому подобному [Bosworth 2010, p. 82]. Изменение авторской оптики, а именно фокусирование внимания автора на региональном уровне и избирательное упоминание глобальных событий становится главным маркером для причисления тех или иных сочинений к «локальным историям». «Локальная история – это не отдельный жанр, а сосредоточенность на конкретном предмете – регионе (иногда отдельном городе и его

ближайших окрестностях, иногда обширной провинции), где жил тот или иной автор, и обычно там, где его семья пустила корни на протяжении многих поколений. Подъем популярности локальных историй, очевидно, отражает мир, в котором решается судьба уммы в целом... это уже не единственный и не самый важный способ видения вещей. Для авторов локальных историй умма самым непосредственным образом воплощается в сотнях сообществ, составляющих ее» [Bosworth 2010, p. 82; Lambton 1991, pp. 227–238; Melville 2000, pp. 7–14; Pourshariati 2000, pp. 133–164].

Таким образом, локальная историография Ирана является весьма широким понятием, включающим в себя самые разные сочинения, объединенные, по сути, лишь региональной оптикой. В качестве примера, который наилучшим образом, с нашей точки зрения, способен проиллюстрировать столь сложную ситуацию, хотелось бы привести литературное наследие автора XII в. Афзал ад-Дина Кермани. Последний оставил после несколько известных специалистам произведений, одно из которых под названием «‘Экд ал-‘Ола ле’л-маукеф ал-А’ла» («Небесное предписание, установленное свыше») (Kermānī 1977), хоть и считается ярким примером локальной историографии, на поверку принадлежит к дидактическому жанру «княжеского зеркала» (андарз) [Mellville 2012, p. 153, comm. 130]. «Только небольшая часть “‘Экд ал-‘Ола”» посвящена историческому повествованию о завоевании Кермана тюрками-гуззами при Малике Динаре в 1185 г. Она тоже была написана, чтобы заслужить расположение правителя и давать советы о том, как управлять, а не как история как таковая» [Mellville 2012, p. 153]. Со своей стороны добавим, что помимо собственно исторического раздела «‘Экд ал-‘Ола», где рассматривается история Кермана в весьма сжатом варианте, Афзал ад-Дин Кермани использует примеры, в том числе и из истории указанного региона, в качестве подтверждения тех или иных нравоучительных положений. Таким образом, хоть и считаясь частью локальной историографии Кермана, «‘Экд ал-‘Ола» не задумывалось автором как историческое сочинение и не является таковым по своей сути и по содержанию. Тем не менее именно с этим памятником связан интересующий нас источник начала XIV в., а именно «Симт ал-‘Ула лил-Хадра ал-‘Улийа» («Ожерелье из рубинов для благородных господ» или «Ожерелье величия для Высочайшего двора», «سمت العلى للحضرة العليا») (Kermānī 1949).

Об этом сочинении и его авторе, Насир ад-Дине Мунши Кермани, нами было подробно рассказано в более ранних исследованиях, поэтому здесь обозначим лишь ключевые сюжеты, важные именно для этой работы [Баскаков, Тимохин 2022, с. 81–93; Тимохин 2023,

с. 177–188]². Прежде всего обозначим точку зрения выдающегося иранского исследователя и автора первого специального исследования, касающегося «Симт ал-‘Ула», А. Экбаля, который указал, что данный исторический труд является продолжением более раннего «‘Экд ал-‘Ола» (Kermānī 1949, s. ۛ). Не пытаюсь дискутировать с этой точкой зрения, отметим лишь, что два собственно исторических сочинения, также принадлежащие перу Афзал ад-Дина Кермани, гораздо ближе, по крайней мере исходя из их целеполагания, к сочинению Насир ад-Дина Мунши Кермани и представляют собой изложение истории указанного региона «с древнейших времен»³. Даже структурно текст «Симт ал-‘Ула» отличается от более раннего «‘Экд ал-‘Ола», и, как мы постараемся показать в этой статье, в содержательном плане сочинение Насир ад-Дина Мунши Кермани ближе к типичным «провинциальным хроникам», нежели к сочинениям жанра *андарз*⁴. «Такие биогеографические труды в основном относятся к области местной историографии, и большинство городских или провинциальных хроник, написанных в этот период, содержат некоторые сведения о жизни выдающихся местных деятелей, а также отрывки, посвященные местной топографии, религиозным памятникам и общественным делам» [Mellville 2012, p. 182]. Таким образом, «Симт ал-‘Ула», хоть и имеет определенные историографические связи с более ранними памятниками круга «локальной историографии», представляет собой весьма любопытный литературный феномен, и ниже мы постараемся доказать это положение, осветив структуру и содержание данного памятника.

Единственное на данный момент издание оригинального текста этого сочинения Насир ад-Дина Мунши Кермани⁵ было

² См. также: Тимохин Д.М. Описание монгольского завоевания регионов Ирана в сочинении Насир ад-Дина Мунши Кермани // Золотоордынское обозрение. 2026 (в печати).

³ Речь идет о сочинениях, известных специалистам под названием «Бадайе’ ал-азмāн фи вакāйе’-е Керман» («Чудеса времен в событиях Кермана») (Kermānī 1947) и «ал-Мозāф елā Бадайе’ ал-азмāн» («Продолжение Чудес времен») (Kermānī 1952). В отношении последнего существует вполне справедливое сомнение в том, что Афзал ад-Дин Кермани был автором всего указанного текста, уже исходя из хронологии излагаемых в нем событий (Kermānī 1952, s. ۛ).

⁴ Тут вероятнее стоило бы говорить о схожести этого сочинения Насир ад-Дина Мунши Кермани и упомянутого выше «Бадайе’ ал-азмāн», его более раннего предшественника.

⁵ Исследователями было убедительно доказано, что Насир ад-Дин Мунши Кермани является автором как минимум еще одного сочинения,

осуществлено в 1949 г. и предварялось обстоятельным введением, которое было написано упомянутым А. Экбалем (Kermānī 1949). Следует отметить, что в издании это сочинение названо «Симт ал-‘Ула лил-Хадра ал-‘Улийа дар тарих-е кара-хитайан-е Керман», что может быть переведено как «Ожерелье из рубинов для благородных господ в истории кара-китайских <правителей> Кермана» или «Ожерелье величия для Высочайшего двора в истории кара-китайских <правителей> Кермана». Нас в данном случае будет интересовать не столько правильность перевода первой части названия, сколько указание на кара-китайских правителей Кермана: здесь речь идет о династии Кутлуг-ханидов, которые правили в этом регионе с 1225 по 1306 г., чей основатель, хаджиб Бурак, был кара-китайского происхождения по данным целого ряда мусульманских источников (подробнее см.: [Баскаков, Тимохин 2022, с. 81–93; Тимохин 2023, с. 177–188]). Таким образом, авторский нарратив в большей степени должен представлять собой династийную хронику, чья основная оптика направлена на описание политической истории конкретной династии в пределах Кермана, однако тут есть некоторые нюансы. Прежде всего следует обратить внимание на введение к основному тексту «Симт ал-‘Ула» или *мукаддима* («введение», المقدمة), где автор дает описание истории Кермана до воцарения там династии Кутлуг-ханидов. При этом о более ранних династиях и правителях данного региона информация во введении дается неравномерно с точки зрения деталей: наиболее древние события и персоналии лишь обозначены Насир ад-Дином Мунши Кермани, однако его рассказ о XII – начале XIII в. гораздо более подробен и интересен (см., например: Kermānī 1949, s. 1–3).

Тут надо подчеркнуть несколько важных моментов, касающихся текста «Симт ал-‘Ула». Прежде всего отметим, что само изложение событий написано достаточно сложным языком с большим количеством цветистых оборотов, иногда затрудняющих перевод, но не несущих при этом никакого дополнительного смыслового значения, т. е. Насир ад-Дин Мунши Кермани (особенно это заметно на примере *мукаддимы*), стремится сделать язык изложения максимально, как ему, вероятно, казалось, красивым, что свойственно целому ряду памятников персидской исторической литературы XIV в., так и более ранним текстам.

а именно поздней компиляции сочинения XII в. «Та‘рих ал-Вузара», которое принадлежит перу Наджм ад-Дина Абу-л-Резы’ ал-Кумми. Компиляция Насир ад-Дина Мунши Кермани носит название «Наса’им ал-Асхар» («Дуновения волшебства») (al-Qummi 1985, s. 42).

Когда Атабек Фарса Салгури султан Са'ад ибн Занги (اتابک فارس سلغرسطان سعد بن زنگی) увидел эти земли, где каждый был полон алчности, подобно дикому зверю, то едва не лишился чувств, но с высоты нравственности своей в этом государстве свое гнездо свил. И в году пятьсот <девяносто девятом> в окрестностях Кермана августейший лагерь разбил и население вилайета к стопам его покорно приникло и преподнесли сокровище покорности его величеству падишаху (Kermānī 1949, s. 19).

Здесь стоит сделать одно предположение относительно того, что именно могло стать образцом для подражания у составителя «Симт ал-'Ула».

Подобным более ранним сочинением, на которое мог ориентироваться Насир ад-Дин Мунши Кермани при составлении собственного нарратива, стал памятник домонгольской эпохи – упомянутый нами «Та'рих ал-Вузара» Наджм ад-Дина Абу-л-Резы' ал-Кумми. Автор «Симт ал-'Ула», как было отмечено в комментарии, составил компиляцию этого сочинения, которая известна исследователям под названием «Наса'им ал-Асхар».

Сейчас мы можем утверждать, что большинство сведений, связанных с сельджукскими визирами Ирака, которые встречаются в книге «Наса'им ал-Асхар», имеют более раннее происхождение, или же, если быть точным, первоисточником этих сведений в «Наса'им ал-Асхар» является «Та'рих-и Вузара». Кахан Анджа сказал, что сообщения «Наса'им ал-Асхар», по-видимому, не в полном объеме заимствованы из других памятников, однако существование какого-либо первоисточника для этой части сочинения «Наса'им ал-Асхар» предполагалось. Благодаря некоторым несложным действиям, разделы «Та'рих-и Вузара» были соотнесены с соответствующими разделами «Наса'им ал-Асхар», большая часть разногласий в отрывках мною отмечены и затем отрывки, которые Кермани из «Тарих-и Вузара» заимствовал, были кратко мною подвергнуты критике. Это сличение в то же время свидетельствует, что большинство этих разделов из повествования «Наса'им ал-Асхар» имеют своей опорой источник VI/XII столетия и это – «Та'рих-и Вузара» (al-Qummi 1985, s. 42).

В качестве примера, который должен проиллюстрировать вероятное влияние «Та'рих ал-Вузара» на автора «Симт ал-'Ула», приведем небольшой отрывок из более раннего сочинения о поражении сельджукского султана Санджара в 1153 г. от войска тюркских кочевников гуззов, где автор не приводит никаких реалий самого сражения, ни даже его датировки, однако позволяет себе весьма

пространные описания его последствий, которые, впрочем, также лишены важных деталей.

Дела Хорасана: после трагедии султана Санджара, чья слава была сравнима с его внушающим ужас мечом, проливающим кровь, дело как нить спутанная распуталась и вернулась обратно. Поражения султана Санджара были хуже, чем поражение зеркала, зеркало если наступает сильный холод может не устоять и от холода рассыпаться и распасться на осколки. Поражение его было подобно несчастью девушки, которая не приложила никаких усилий, чтобы сохранить добродетель, а муж ее <узнав об этом> лишил жизни. Никто не мог предположить, что гуззы (غز) войска султана Санджара разобьют, равно как никто не мог представить, что гуззы его на престол султана насильно посадят. Люди считали, что ночь горести его сменится днем, не знали они, что конец жизни султана так же близок, как рассвет, скрывающийся за низкими тучами для незнающих, что наступает новый день (al-Qummi 1985, s. 233<202>).

Проблема хронологических указаний или датировки событий в тексте Наджм ад-Дина Абу-л-Резы' ал-Кумми отчасти схожа с той ситуацией, которую можно увидеть в интересующем нас сочинении его более позднего компилятора. Так, в приведенном выше сообщении о приходе в земли Кермана в качестве правителя «Са'ада ибн Занги» автор «Симт ал-'Ула» указывает датировку этого события, но это скорее исключение из общего правила. В частности, в рамках все той же *мукаддимы* Насир ад-Дин Мунши Кермани неоднократно упоминает об отправке того или иного наместника, сельджукского или хорезмийского, для управления областью Керман, однако датировать эту отправку исходя лишь из текста «Симт ал-'Ула» абсолютно невозможно.

Этот высокий жребий выпал атабеку Насир ад-Дину Мухаммаду ибн Абу Бакру (نصرة الدين محمد بن ابي بكر), поскольку он отличался похвальными качествами. Но он умер, так и не успев заняться объединением разрозненного и оживлением мертвой земли по прибытии в Керман, а ответил на зов Истины. Тогда султан Мухаммад передал наместничество над областью Керман малику Зузану Муид ал-Малику Кавам ад-Дину (ملك زوزن مويد الملك قوام الدين), преисполненного великолепия и достоинства, полного заботы и благоволения, он обрел возможность целиком и полностью проявить величие и изобилие во всей полноте (Kermānī 1949, s. 20).

Впрочем, подобное отношение к датировке событий заметно в других разделах «Симт ал-'Ула»: например, в главе, посвященной

основателю династии Кутлуг-ханидов, хаджибу Бараку (Kermānī 1949, s. 21–25), Насир ад-Дин Мунши Кермани вообще не приводит ни одной датировки описываемых им событий, за исключением указания на то, что «под его властью Керман был пятнадцать лет» (Kermānī 1949, s. 25).

Справедливости ради стоит отметить любопытную тенденцию в тексте «Симт ал-'Ула», а именно: чем о более поздних событиях идет речь, тем больше хронологических сведений включает в свой текст Насир ад-Дин Мунши Кермани. Если в разделе о хаджибе Бараке автор ни разу не упоминает год, когда произошло то или иное событие, хотя сам по себе рассказ об этом правителе Кермана весьма обширен (Kermānī 1949, s. 21–26), то уже в следующей главе, «Султан Кутб ад-Дунийа ва ад-Дин Абу ал-Фатх Мухаммад ибн Хамидбур Тайангу, знамение Эмира Верующих (السلطان قطب الدنيا و الدين ابو الفتح محمد بن خميتبور تايانگو برهان امير المومنين)» (Kermānī 1949, s. 26–28), мы в самом начале повествования находим сравнительно точную датировку.

Его правление было во времена упадка исламского владычества и свертывания величия иранских царей. Счастливый, благородный, мудрый правитель, проницательный и дальновидный, умный и искусный градоначальник, могущественный и славный царь, высокопоставленный и могучий повелитель, обладающий силой и гордостью его дядя, Барак хаджиб Кутлуг-султан, поскольку он (т. е. Кутб ад-Дунийа ва ад-Дин Абу ал-Фатх Мухаммад. – Д. Т.) был способным молодым человеком, мужественным, искусным и был известен ему своей мудростью, то сделал его приемным сыном и своим зятем, а в момент своей смерти назначил его наследником престола и ему было передано царство. И в *месяце зу-л-хидже шестьсот тридцать второго года*⁶, без препятствий и споров, своим присутствием он осветил трон султана, тогда жители Кермана обрели покой и умиротворение под его защитой. И тогда турки (ترك), таджики (تاجيك)⁷, далекие и близкие <от его трона>, подобно тростнику, склонились в повиновении и подчинении ему (Kermānī 1949, s. 26).

Как видно из данного отрывка мы можем сравнительно точно определить дату начала правления наследника хаджиба Барака, однако в этом разделе приводятся также и иные хронологические данные, которые позволяют, в частности, определить, что в брак он

⁶ 24 августа 1235 г. – 23 сентября 1235 г.

⁷ Тут, вероятно, с учетом особенностей авторского слога можно перевести и как «кочевники и оседлые».

вступил «спустя четыре месяца после этого» (Kermānī 1949, s. 26), т. е. примерно в январе 1236 г.

Важной особенностью нарратива «Симт ал-‘Ула» следует признать не только специфическое использование датировок при описании исторических событий, но и многочисленные поэтические вставки, которые присутствуют как в *мукаддиме*, так и в основном тексте источника. Это могут быть как двустишия, так и более обширные поэтические вставки, которые чаще всего Насир ад-Дин Мунши Кермани приводит без указания автора поэтических строк (Kermānī 1949, s. 26, 31). Другим важным моментом следует признать использование автором «Симт ал-‘Ула» устойчивых выражений, пословиц и поговорок, которые также должны были украсить сформированный им текст и имели при этом, безусловно, дополнительную смысловую нагрузку. В качестве примера приведем небольшой отрывок из все той же *мукаддимы*, где рассказывается о судьбе Кермана во второй половине XII – начале XIII в.

Атабек⁸ лишь неделю своей августейшей персоной украшал престол Кавурда (تخت قاوردی) и своему воспитаннику и племяннику малику ‘Имад ад-Дину Махмуду Зейдани (عمد الدین مهمد بن زیدان) определил его в качестве постоянного местопребывания, а себе назначил в качестве места назначения Шираз (شیراز). После этого его высочество Рази ад-Дин Нишапури (رضی الدین نیشابوری) и Бег-Тегин (بغاتکین) с фирманом от августейшего хорезмшаха⁹ с целью управления Керманом в город пришли¹⁰. Между на‘ибами атабека Фарса и ними было множество столкновений, так что в конце концов хорасанцы (خراسانیان)¹¹ оказались в очевидном убытке. Тогда из Шираза один из на‘ибов его вели

⁸ Чуть выше Насир ад-Дин Мунши Кермани приводит его полное имя – «Атабек Фарса Салгури султан Са‘ад ибн Занги» (Kermānī 1949, s. 19).

⁹ В данном случае автор не приводит имени хорезмийского правителя, а с учетом отсутствия датировок это мог быть и ‘Ала’ ад-Дин Текиш (1172–1200), и ‘Ала’ ад-Дин Мухаммад (1200–1220). Однако последний выглядит более вероятной фигурой в данном случае с учетом дальнейшего рассказа о событиях в тексте «Симт ал-‘Ула».

¹⁰ Вероятнее всего, речь идет о Бардсире, который до этого был столицей династии Сельджукидов Кермана.

¹¹ С учетом контекста, вероятно, тут правильнее было бы написать хорезмийцы, однако, поскольку Хорасан к тому моменту уже входил в состав Хорезмийской державы, в таком термине тоже есть определенная логика. Кроме того, Насир ад-Дин Мунши Кермани мог таким образом подчеркнуть, что для покорения Кермана хорезмшах прислал войска именно из Хорасана.

чества 'Изз ад-Дина (عز الدين), Фазлун (فضلون), и в то же время от его величества Фахр ад-Дина Ахмада (فهر الدين احمد) отправлен раб, чтобы починить брешь и восстановить взаимоотношения между амирами и народом Кермана, и даже самый искусный аптекарь не исправит то, что разрушило время (ولن يصلح العطار ما افسد الدهر) (Kermānī 1949, s. 20).

В большинстве случаев подобные поговорки автор «Симт ал-'Ула» приводит не на персидском, а на арабском языке, и их смысл иногда может быть весьма фривольным: так, Насир ад-Дин Мунши Кермани в одном из описаний обстановки в Кермане, которая характеризовалась постоянной сменой правителей, отмечает переход власти от одного из них к другому «подобно тому, как прекрасная распутница (миловидная шлюха, راعنا قحبه) днем у аптекаря, ночь у ветеринара (يوم فى يد عطار و ليلة عند بيطار)» (Kermānī 1949, s. 19). Подобное сравнение должно было, с нашей точки зрения, в данном случае подчеркнуть отсутствие порядка в самом регионе и частую смену власти в Кермане, что и подвигло автора использовать данное выражение. Впрочем, вставки в персидский текст на арабском языке далеко не всегда были всего лишь пословицами или поговорками – они также могли играть роль славословий и восхвалений, а также являться прямыми или косвенными отсылками к тексту Корана. Для иллюстрации первого случая приведем небольшой фрагмент из «Симт ал-'Ула», который предваряет сам рассказ о династии Кутлуг-ханидов и помещен автором перед биографией ее основателя – хаджиба Барака. В нем Насир ад-Дин Мунши Кермани приводит общую характеристику всех ее представителей в самых благоприятных тонах, подчеркивая, что все они

были преуспевающими, одерживающими победы. Все они – праведные правители, благодетели, защитники дарованных окрестностей, пастыри толп подданных, последователи догм праведной веры и прямого пути. Их лица были обращены к утренней заре, их языки – к красноречию, их руки – к щедрости, их нравы – к благородству, а их умы – к рассудительности (او جههم للصباحة و السنهم للفصاحة و ايديهم للسماحة و اخلاقهم للسجاعة و عقولهم للرجاعة) (Kermānī 1949, s. 22).

Впрочем, отдельные славословия, которые использует Насир ад-Дин Мунши Кермани в составе своего нарратива, вполне могут быть отсылкой к более ранним поэтическим или прозаическим произведениям, точную идентификацию которых только предстоит установить исследователям. Так, например, упоминая отправку в Керман одного из чиновников, автор «Симт ал-'Ула» отмечает этот факт следующим изречением.

По приказу султана 'Ала' ад-Дунийи ва-д-Дина Мухаммада¹² управление Керманом было вверено стараниям малика Муйид ал-Маллука Зузани и он был назначен в Керман, и навел в нем порядок. *И лук был дан тому, кто его создал, и дом был ниспослан тому, кто его построил* (وقد اعطي القوس باريها و انزل الدار بانيتها) (Kermānī 1949, s. 26).

Несомненно, подобные словословия, если они являются еще и отсылкой к иным литературным произведениям, должны продемонстрировать еще и начитанность самого Насир ад-Дина Мунши Кермани, его образованность и почтение к высоким образцам литературы. Что же касается отсылок к Корану в нарративе «Симт ал-'Ула», то их можно встретить в большом количестве уже в *мукаддиме*, где, например, отмечая поступки одного из отрицательных персонажей в истории Кермана начала XIII в., Насир ад-Дин Мунши Кермани пишет о нем следующее.

Шуджа ад-Дин Абу-л-Касым в связи с этим бежал в Керман, возмущая, что под его тиранией дела этого региона могут стать лучше, *и заставил шайтан забыть его о Господе своем* (فانساه للشيطان ذكر ربه) поскольку в скором времени хорезмшах и <другие> правители были низвергнуты, подобно фараону и его притязаниям – *разве не мне принадлежит царство Египта и те реки, что текут подо мной* (و فرعون وار دعوى اليس لى ملك مصر و هذه الا نهار تجرى من تحتى كرد) (Kermānī 1949, s. 21).

Первый выделенный в цитате фрагмент, с нашей точки зрения, является отсылкой к суре 18 «ал-Кахф» («Пещера»), а точнее к аяту 63, который полностью звучит так:

Он сказал: «Помнишь, как мы укрылись под скалой? Я забыл о рыбе, и только дьявол заставил меня не вспомнить о ней. Она же отправилась в путь по морю чудесным образом».

Что же касается второго выделенного фрагмента, то он почти дословно повторяет аят 51 из суры 43 «аз-Зухруф» («Украшение»):

Фараон воззвал к своему народу и сказал: «О мой народ! Разве не мне принадлежит власть над Египтом и эти реки, что текут подо мною? Разве вы не видите?»

¹² В этом случае уже совершенно точно можно говорить о том, что здесь упоминается хорезмшах 'Ала' ад-Дин Мухаммад (1200–1220).

Последнее, что хотелось бы отметить в отношении нарратива, созданного Насир ад-Дином Мунши Кермани, касается той очевидно «искусственной» связи, которую он старательно выстраивает между Кутлуг-ханидами и более ранними великими династиями Востока. Как нами отмечалось в более ранних исследованиях, в рамках интересующей локальной историографии Кермана целый ряд сочинений встраивается в модель, которая нами была условно обозначена, как «поздняя кара-китайская историография» [Тимохин 2023, с. 177–188]. К этому кругу, безусловно, относится нарратив «Симт ал-‘Ула», который историографически связан с двумя более поздними памятниками – сочинением Му‘ин ад-Дина Натанзи «Монтахаб ат-таварих-и Му‘ини» («Извлечение из летописи Му‘ина») (Na‘anzī 1957) и «Тарих-е Саджукийан-е Керман» («История Сельджукидов Кермана») Мухаммада ибн Ибрахима (Mammad ibn Ibrahim 1886). Отдельно от упомянутых нами трудов следует рассматривать сравнительно менее известное российским и зарубежным исследователям анонимное сочинение «Тарих шахий-е Кара-хитайан-е Керман» («История кара-китайских владык Кермана»), чье название говорит само за себя (Bastani Parizi 1976; Bastani Parizi 2011). Все эти памятники объединяет общая тенденция, которая заключается в формировании преемственности между правившей в Кермане династией Кутлуг-ханидов с правителями Хорезма и кара-китайской державой¹³. Ключевую роль здесь будет играть основатель династии керманских правителей хаджиб Барак, чья биография в составе указанных памятников изобилует весьма любопытными деталями, связывающими его одновременно с хорезмшахами и гур-ханами кара-китаев. На примере текста «Симт ал-‘Ула» достаточно легко выделить важнейшие элементы данного историографического конструкта, которые затем были востребованы, прежде всего, более поздними Му‘ин ад-Дином Натанзи и Мухаммадом ибн Ибрахимом.

Насир ад-Дин Мунши Кермани уже в *мукаддиме* сравнивает хаджиба Барака с более ранними хорезмийскими наместниками Кермана, подчеркивая его преимущества перед ними.

¹³ Держава кара-китаев (киданей) с центром в Кашгаре и Баласагуне сформировалась в первой половине XII в. и долгое время была главным противником хорезмшахов из династии Ануштегинидов. Оба этих государственных образования вели борьбу за господство в Мавераннахре и Хорасане, однако победа хорезмийских правителей в этом противостоянии в начале XIII в. ненадолго позволила им овладеть этими регионами, которые были завоеваны монгольскими войсками уже в 1219–1221 гг., и Хорезмийская держава прекратила свое существование.

Появление знамени Насир ад-Дунийи ва ад-Дина Абу ал-Фавариса Кутлуг-султана Барака хаджиба (نصرة الدنيا والدين ابو الفوارس قتلغ سلطان) на востоке Хорасана и закат счастливой звезды того презренного¹⁴ на западе в конце, как уже было нами сказано о том в начальном рассказе, будут упомянуты события правления того султана. *Аллах не поступает несправедливо со своими рабами!* (Kermānī 1949, s. 21).

Последняя фраза из приведенной цитаты также является отсылкой к Корану, что, как мы выяснили выше, является часто используемым приемом в рамках нарратива «Симт ал-‘Ула»: в данном случае мы видим сходство с 51 аятом из суры 8 «ал-Анфаль» («Добыча») – *«это – за то, что приготовили ваши руки. Воистину, Аллах не поступает несправедливо с рабами»*. Что же касается связи между хаджибом Бараком и кара-китайской правящей династией, то о ней Насир ад-Дин Мунши Кермани прямо говорит уже в начале раздела об этой исторической личности, указывая на то, что он и его наследники были *«кара-китайскими султанами подобными наследникам Хосрова»* (Kermānī 1949, s. 22). Сам же Барак до того, как стал правителем Кермана, был, по мнению Насир ад-Дина Мунши Кермани, представителем кара-китайской аристократии.

Он и его старший брат Хисам ад-Дин Хамитбур Тайангу были кара-китайскими амирами и столпами державы Хана ханов, потомка великого Гур-хана. По договору с султаном ‘Ала’ ад-Дунийи ва ад-Дин Текишем хорезмшахом <они> прибыли в Хорезм от его светлости Хана ханов в качестве баскаков (باسقاقي), чтобы собирать там дань по соглашению <с хорезмшахом> (Kermānī 1949, s. 22).

Автор «Симт ал-‘Ула» подробно описывает судьбу хаджиба Барка на хорезмийской службе и его бегство от наследника хорезмийского престола Гийас ад-Дина Пир-шаха после начала монгольского нашествия. Здесь важно то, что само бегство Барака представляется Насир ад-Дином Мунши Кермани как уход на службу к другому кара-китайскому правителю, а в этом путешествии его сопровождают другие представители хорезмийской и кара-китайской элиты (Kermānī 1949, s. 23). Крайне любопытно, что новым покровителем Барака, к которому на службу он пытается перейти, является хорошо известный исследователям правитель Дели и северной Индии Шамс ад-Дин Ил-Тутмыш,

¹⁴ Речь идет об одном из представителей хорезмийской административной элиты, который известен в средневековой историографии под именем Шуджа ад-Дин Абу ал-Касым (شجاع الدين ابو القسم).

сведений о кара-китайском происхождении которого нигде, кроме как в «Симт ал-‘Ула», не встречаются.

<В это время Барак Хаджиб> с родственниками, свитой и несколькими приближенными из числа бывших сторонников хорезмшаха, например Савандж-маликом, Санкар-маликом, Келар-маликом и некоторыми другими прибыли в Керман по пути в Хинд (هند) и Лахор (в тексте – الحق) к султану Шамс ад-Дину Ил-Тутмышу падишаху Дели (شمس الدين ايلتوتмыш پادشاه دهلي), который был также из кара-китаев» (Kermānī 1949, s. 23).

Таким образом, по мнению Насир ад-Дина Мунши Кермани, и сам Барак, и многие его современники, достигшие определенных высот и захватившие власть в отдельных регионах Востока в годы монгольского нашествия, так или иначе были связаны с правящими ранее династиями – в частности, кара-китайской. Создание подобного мифа вокруг фигуры первого из представителей династии Кутлуг-ханидов, которые повторяют более поздние авторы, знакомые с нарративом «Симт ал-‘Ула», во многом необходима для легитимации власти хаджиба Барака и его наследников в землях Кермана. Впрочем, Насир ад-Дин Мунши Кермани использует для достижения этой цели и иные средства: например, указание на то, что власть хаджиба Барака в землях Кермана была признана не только монгольскими правителями, но и багдадским халифом.

О последнем факте Насир ад-Дин Мунши Кермани сообщает следующее:

Кутлуг-султан упрочил <свое положение> в Кермане: Барак озарил своим светом державу, и его правление было подобно солнцу в небе, на котором нет ни единого пятна. Он отправлял множество писем, посланий и даров ко двору Халифа (در الخليفة), испрашивая и умоляя о титуле султана, и его просьба была удовлетворена. Ему послали почетные одежды вместе с лакабом султана (Kermānī 1949, s. 24).

Этот же эпизод у Му‘ин ад-Дина Натанзи описан несколько иначе:

Барак Хаджеб немедленно отправил послов с большими подношениями и дарами ко двору Багдадского халифа, а затем к Чингиз-хану для того, чтобы в двух этих странах иметь союзников. От Святого двора Халифа он получил лакаб Кутлуг-султана, и от дивана Чингиз-хана он также получил лакаб Кутлуг-хана» (Na‘anzī 1957, s. 23).

Этот более поздний автор свел воедино два эпизода, которые в свою очередь разнесены в тексте «Симт ал-‘Ула», где хаджиб Барак сначала отправляет посольство в Багдад и получает оттуда титул султана, а уже после убийства Гийас ад-Дина Пир-шаха, в котором можно легко увидеть и символическое освобождения Кермана от власти хорезмийских правителей, отправляет посольство «...к его величеству Ка’ану Угэдэю (اوگتای قان)» (Kermānī 1949, s. 25), но никак не к Чингиз-хану, что выглядит абсолютно невозможным, хотя на этом и настаивает автор «Монтахаб ат-таварих-и Му‘ини». Согласно Насир ад-Дину Мунши Кермани лишь от монгольского правителя он получает помимо всех прочих символов власти еще и титул или «лакаб Кутлуг-султана (لقب قتلغ سلطانی)» (Kermānī 1949, s. 25), что также весьма логично, учитывая тот факт, что подобная титулатура пришла именно из кочевой среды.

В своей классической работе Г. Дёрфер дает этимологизацию «күтлүг» (قوطلوغ) как «счастливый, благословенный», а о самом титуле сообщает, что он зачастую даровался удельным правителям со стороны их «патрона»¹⁵, что полностью соответствует тому, что сообщает об этом автор «Симт ал-‘Ула». Согласно сведениям Насир ад-Дина Мунши Кермани, помимо указанного титула хаджиб Барак получает «от Ка’ана Угэдэя ханскую грамоту (ярлык, یرلیغ), почетные <одежды> и пайцзу (پایزه)» (Kermānī 1949, s. 25), что должно напомнить нашему читателю получение ярлыков в Золотой Орде удельными русскими князьями. Впрочем, в нарративе «Симт ал-‘Ула» помимо свидетельства о признании власти хаджиба Барака над землями Кермана со стороны монгольских правителей, пусть и в качестве «удельного правителя», и багдадского халифа присутствует еще одна любопытная модель легитимации его власти и последовавших представителей династии Кутлуг-ханидов. Эту форму легитимации вкладывает Насир ад-Дин Мунши Кермани в уста самого хаджиба Барака, приводя эпизод его беседы с Гийас ад-Дином Пир-шахом.

Когда султан Гийас ад-Дин прибыл в Керман и увидел грандиозное могущество правителя Кутлуг-султана, в нем вспыхнула зависть. В опьянении он выпалил: «Кто дал тебе султанат?» На что Кутлуг-султан ответил: «Султанат мне даровал тот Царь Царей (т. е. Аллах,

¹⁵ Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden: Steiner, 1967. Bd. 3. Türkische Elemente im Neupersischen. S. 551, 553.

(ملك الملکی), который снял корону правителей с головы Саманидов (سامانیان) и поместил ее на голову рабов (غلامان) того рода – Себуктегину (سبکتگین) и Махмуду (محمود). Его же сильная рука забрала верховную власть от султанов рода Сельджука (سلجوقی), чьими слугами были хорезмшахами (خوارزمشاهیان) и твоими предшественниками. Он жалуется это почетное платье, кому пожелает»¹⁶ (Kermānī 1949, s. 25).

Данная история должна, с нашей точки зрения, объяснить уже средневековому читателю, что, с одной стороны, власть в Кермане дарована хаджибу Бараку по милости Аллаха, а с другой – его власть здесь столь же легитимна, как и власть Газневидов, Себуктегина и Махмуда, Сельджукидов и самих хорезмшахов. Таким образом, в глазах автора «Симт ал-‘Ула», и эту же точку зрения он пытается донести до своего читателя, династия Кутлуг-ханидов в Кермане имеет много общего с более ранними великими мусульманскими династиями, она легитимна в глазах халифа и монгольских правителей, а следовательно, ее представители абсолютно законно управляют этим регионом и не могут считаться узурпаторами или захватчиками.

Подводя итоги, хотелось бы обратить внимание читателя на несколько важных, с нашей точки зрения, моментов. Прежде всего, пример нарратива «Симт ал-‘Ула» еще раз подтверждает тот факт, что само понятие «локальная историография» Ирана требует от исследователей дополнительного теоретического осмысления ввиду того, что в ее состав включаются памятники различной жанровой принадлежности. Что же касается текста Насир ад-Дина Мунши Кермани, то он представляет собой династийную хронику, в состав которой, впрочем, включен краткий обзор истории Кермана до начала правления там династии Кутлуг-ханидов. Этот обзор помещен автором в состав *мукаддимы*, в то время как остальная часть текста «Симт ал-‘Ула» представляет собой последовательное изложение истории правления в этом регионе указанной династии: структура основной части представляет собой преимущественно разделы, посвященные биографии конкретных правителей, и несколько тематических разделов о том или ином значительном деянии кого-то из Кутлуг-ханидов. Нами был детально разобран рассказ об основателе этой династии хаджибе Бараке, поскольку на этом примере мы хотели выделить основной авторский замысел при формировании

¹⁶ Тут очевиден парафраз 26 аята 3 суры «аль-Имран» («Семейство Имрана»): «Скажи: “О Аллах, Владыка царства! Ты даруешь власть, кому пожелаешь, и отнимаешь власть, у кого пожелаешь. Ты возвеличиваешь, кого пожелаешь, и унижаешь, кого пожелаешь. Все благо – в Твоей Руке. Воистину, Ты способен на всякую вещь”».

нарратива «Симт ал-‘Ула»: с нашей точки зрения, это прежде всего легитимация власти в Кермана как этой исторической личности, так и его наследников. Для этого Насир ад-Дин Мунши Кермани использует различные средства: подчеркивает признание власти хаджиба Барака в Кермане со стороны монгольских правителей и багдадского халифа, указывает на связь между ним и более ранними могущественными державами – государством хорезмшахов из династии Ануштегинидов и кара-китайской державой. Наконец, автор «Симт ал-‘Ула» вкладывает в уста самого хаджиба Барака речь о том, что власть в Кермане ему даровал Аллах, как Он делал ранее с Газневидами, Сельджукидами и самими хорезмшахами. То есть Насир ад-Дин Мунши Кермани обращается к прошлому за историческими примерами того, как власть была изъята из рук «недостойных» правителей и передана их более «благочестивым» слугам, что должно указать читателю параллель с тем, что произошло с Кутлуг-ханидами, чей основатель служил правителями Хорезма, а теперь сам стал управлять Керманом.

Стоит также отметить, что в тексте «Симт ал-‘Ула» присутствует большое количество маркеров в виде устойчивых выражений, отсылок к Корану и стихотворных вставок, которые должны указать читателю, кто из представленных автором исторических личностей был достойным правителем, а кто наоборот – управлял Керманом плохо и недостойно. В качестве антиподов, например, Насир ад-Дин Мунши Кермани выводит самого хаджиба Барака и его предшественника, Шуджу ад-Дина Абу ал-Касыма, который выставлен тираном и недостойным правителем, так что лишение его власти и даже убийство представлены как справедливое деяние основателя династии Кутлуг-ханидов. Как мы постарались показать в этой статье, «хорошие» и «плохие» персонажи в нарративе «Симт ал-‘Ула» обозначены автором напрямую, а также и через использование соответствующих маркеров, которые были перечислены нами выше. В связи с этим представленный нарратив носит не только исторический, но и назидательный характер, что связывает его с более ранним сочинением Афзал ад-Дин Кермани «‘Экд ал-‘Ола ле’л-маукеф ал-‘Ала», как было отмечено уже предшествующими исследователями, однако нам удалось в этой статье выделить эту дидактическую составляющую в более позднем источнике, которая не отмечалась ранее в специальной литературе. Впрочем, сочинение Насир ад-Дина Мунши Кермани «Симт ал-‘Ула лил-Хафра ал-‘Улийа» с учетом его влияния на более поздние памятники и ценность содержащихся в нем сведений требует дополнительного изучения, и, надеемся, эта статья привлечет внимание к этому историческому источнику со стороны специалистов по истории Ирана и мусульманской историографии.

Источники

- Bastani Parizi 1976 – Tarikh shahiy-e Qara-Khitayan-e Kerman [История кара-китайских правителей Кермана] / ed. by M. Bastani Parizi. Tehran: Bonyad Farhange Iran, 1976. 346 s.
- Bastani Parizi 2011 – Tarikh shahiy-e Qara-Khitayan-e Kerman [История кара-китайских правителей Кермана] / ed. by M. Bastani Parizi. Isfahan: Ghaemiyeh, 2011. 274 s.
- Kermānī 1947 – Afzal al-Din Kermānī. Badāye'-al-azmān [Чудеса времен] / ed. by Mehdi Bayāni. Tehran: Chaphaneve Daneshgah, 1947. 118 s.
- Kermānī 1949 – Nasir ad-Din Munshi Kermānī. Simt al-'ulii li'l-hadra al-'ulya [Ожерелье из рубинов для благородных господ] / ed. by I. 'Abbas 'Iqbal. Tehran: Sherkat Sahami Chap, 1949. 150 s.
- Kermānī 1952 – Kermānī Ḥamīd al-Dīn Aḥmad b. Ḥāmed [Afzal al-Dīn]. Al-Muẓāf ilā bedāyi'i al-'azmān fī waqāyi'i-i Kermān [Продолжение чудес времен в событиях Кермана] / ed. by 'Abbas 'Iqbal. Tehran: Chachhahe-e Mejlis, 1952. 60 s.
- Kermānī 1977 – Afzal al-Din Kermānī. Ketab-e 'Eqd al-'olā le'l-mawqef al-'alā [Продолжение чудес времен в событиях Кермана] / ed. by Mohammad Ibrahim Bastani-Parizi. Tehran: Rouzbehan, 1977. 182 s.
- Mohammad ibn Ibrahim 1886 – Tavvarih-e al-e saljouk [История дома Сельджука]. Recueil de textes relatifs a l'histoire des seldjoudes / ed. by M.Th. Houtsma. Leiden: Brill, 1886. Vol. I. 211 s.
- Natanzī 1957 – Mu'in al-Dīn Natanzī. Extraits du Muntakhab al-Tavarikh-i Mu'ini (Anonyme d'Iskandar) [Муин ад-Дин Натанзи. Дополнительные сведения о Мунтахаве ат-Таварихе-и-Муини (аноним)] / ed. by J. Aubin. Tehran: Kitāb-furūshī-i Khayyām, 1336/1957. 492 s.
- al-Qummi 1985 – Najm al-Din Abu l-Riza' al-Qummi. Ta'rikh al-Wuzara [История визирей] / ed. by Muhammed Taki Dāniṣh-Pazhūh. Tehran: Muassase-i mutalaat va tahkikat-i farhangi Publ., 1985. 440 s.

Литература

- Баскаков, Тимохин 2022 – Баскаков И.Д., Тимохин Д.М. Биография Хаджеба Барака в сочинении Насир ад-Дина Мунши Кермани // Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 1 (19). С. 81–93.
- Тимохин 2023 – Тимохин Д.М. Феномен поздней кара-китайской историографии: Насир ад-Дин Мунши Кермани и его исторический труд // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2023. Вып. 5. С. 177–188.
- Bosworth 2010 – Bosworth C.E. Historical information from Ibn Funduq's Tarikh-i Bayhaq (563/1167–68) // Iran. 2010. Vol. 48. P. 81–106.
- Lambton 1991 – Lambton A.K.S. Persian local histories: the tradition behind them and the assumptions of their authors // Yād-nāma [Письмо в память]. Vol. 1:

- Islamistica / ed. by B. Scarcia Amoretti, L. Rostagno. Rome: G. Bardi, 1991. P. 227–238. (Studi Orientali; 10)
- Melville 2000 – *Melville Ch.* Persian local histories: Views from the wings // *Iranian Studies*. 2000. Vol. 33. No. 1/2. P. 7–14.
- Mellvile 2012 – A history of Persian literature / Ed. by Ch. Mellvile. L.; N.Y.: I.B. Tauris, 2012. Vol. 10: Persian Historiography. 782 p.
- Pourshariati 2000 – *Pourshariati P.* Local historiography in Early Medieval Iran and the Tāriḫ-i Bayhaq // *Iranian Studies*. 2000. Vol. 33. No. 1/2. P. 133–164.

Preferences

- Baskakov, I.D., and Timokhin, D.M. (2022), “Biography of Hajeb Barak by Nasir al-Din Munshi Kermani”, *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*, vol. 19, no. 1, pp. 81–93.
- Timokhin, D.M. (2023), “Review of pre-Mongol Arab-Persian sources on the history of Qara Khitai state: features of the structure and content”, *Oriens*, iss. 5, pp. 177–188.
- Bosworth, C.E. (2010), “Historical information from Ibn Funduq’s Tarikh-i Bayhaq (563/1167–68)”, *Iran*, vol. 48, pp. 81–106.
- Lambton, A.K.S. (1991), “Persian local histories: the tradition behind them and the assumptions of their authors”, in Scarcia Amoretti, B. and Rostagno, L., eds., *Yād-nāma* [A letter in memory]. Vol. 1. *Islamistica*, G. Bardi, Rome, Italy, pp. 227–238. (Studi Orientali; 10)
- Melville, Ch. (2000), “Persian local histories: Views from the wings”, *Iranian Studies*, vol. 33, no. 1/2, pp. 7–14.
- Mellvile, Ch., ed. (2012), *A history of Persian literature. Vol. 10: Persian historiography*, I.B. Tauris, London, UK, New York, USA.
- Pourshariati, P. (2000), “Local historiography in Early Medieval Iran and the Tāriḫ-i Bayhaq”, *Iranian Studies*, vol. 33, no. 1/2, pp. 133–164.

Информация об авторе

Дмитрий М. Тимохин, кандидат исторических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12; horezm83@mail.ru

Information about the author

Dmitrii M. Timokhin, Cand. of Sci. (History), Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 12, Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russia; horezm83@mail.ru